

**«Только дятлы ползают по ветвям...»
Парадигматика стилистических неудач в русских переводах
«Слова о полку Игореве»**

Орехов Б. В., Слободян Е. А. «Только дятлы ползают по ветвям...» Парадигматика стилистических неудач в русских переводах «Слова о полку Игореве» // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева / Под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. — М.: ЛЕНАНД, 2010. — С. 416—423.

В статье о переводе «Песни о нибелунгах» А.Я. Гуревич говорит о том, какой может быть «встреча» современного читателя со средневековым текстом: «...путь сближения с творцом средневекового художественного (как и любого иного) текста – попытка проникнуть в структуру его мысли, не жертвуя ее своеобразием. Переводчик, придерживающийся такого метода, неустанно следит за тем, чтобы в своем естественном стремлении сделать произведение удобочитаемым с точки зрения современных эстетических требований, вместе с тем не потерять из вида особенности словаря и словоупотребления в эпоху возникновения памятника литературы»¹. В практической переводческой деятельности строгое следование этому идеалу связано с рядом трудностей. Например, сохранение лексико-словообразовательных архаизмов в переводах на современный русский язык такого средневекового памятника как «Слово о полку Игореве» (СПИ) создаёт определённые препятствия для понимания текста современным читателем, как, например, в переводе С. В. Шервинского: *С той поры степняки/По всей Русской земле/Разбрелись, словно выводок пардов* (фрагмент 105²). Кроме того, читатель может оценить некоторые высказывания как «неудачные» с точки зрения стилистики: *Ты же можешь и посуху живыми огневыми стрелами шарахать – удалыми сыновьями Глебовыми* (перевод Р. О. Якобсона, фрагмент 126). То есть зачастую перевод, строго говоря, не удовлетворяет актуальному языковому состоянию и, следовательно, перестаёт отвечать «эстетическим требованиям», предъявляемым к современным текстам.

В обширной литературе о СПИ преобладают примеры имманентного рассмотрения переводов, значительно реже можно встретить сопоставительные исследования. В то же время поливариантное функционирование СПИ в русской культуре требует компаративного изучения переводов.

Руководствуясь этими соображениями, любопытно было бы рассмотреть проблемные с точки зрения стилистики места не в синтагматическом (на материале одного перевода СПИ на современный русский язык), а в парадигматическом (на материале нескольких переводов памятника) плане³. Это будет способствовать решению двух проблемных задач: первая, научная, заключается в построении карты стилистических «неудач» и выяснении системных причин их появления; вторая, учебно-методическая, состоит в том, чтобы предсказать фрагменты текста, которые вызовут наибольшие трудности для интерпретации современным читателем-учащимся. Не следует забывать, что зачастую необходимым медиальным звеном между СПИ и школьником или студентом вынужденно выступает перевод. Логично, что для учебных занятий по древнерусской литературе необходимо отбирать наиболее понятные и комфортные для носителя современного русского языка тексты переводов. Выявлению таких текстов и должно помочь параллельное рассмотрение нескольких переводческих опытов как парадигмы.

¹ Гуревич А. Я. Средневековая литература и её современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. – М., 1976. – С. 276–314.

² Здесь и далее адресация приводится в соответствии с разбивкой текста, предложенной Р.О. Якобсоном.

³ Исследование выполнено с помощью Параллельного корпуса переводов «Слова о полку Игореве» (<http://nevmenandr.net/slovo/>), где большое количество переводов представлено именно в такой удобной форме.

Помня о том, что перед нами художественный текст, к которому неприложимы критерии оценки бытовой или официально-деловой речи, мы стараемся избегать взгляда на те или иные стилистические явления как на «ошибки» и используем менее резкий термин «стилистическая неудача». Под ней мы понимаем высказывание, которое будет с высокой вероятностью оценено носителем современного русского языка как «неудачное». Таким образом, термин «неудача» более антропоцентричен, его внутренняя форма описывает не отклонение от прескриптивной стилистической «нормы», а оценку текста реципиентом.

Подчеркнем, что наша работа не является плодом начётнического желания подвергнуть сомнению переводческую работу поэтов и филологов, мы ставим перед собой исключительно исследовательские цели.

Выборку составили стилистически неудачные высказывания, которые обнаруживаются у нескольких переводчиков в передаче одного и того же текстового отрезка СПИ, единичные случаи, характеризующие скорее авторскую манеру или индивидуальные переводческие решения, чем системные отношения внутри парадигмы переводов, исключались. В сферу нашего внимания попали преимущественно тексты переводчиков XX века, переводы XIX века привлекаются эпизодически, как продукты иного языкового состояния, во многих отношениях отличного от современного. Особо отметим, что мы не касаемся случаев некорректной передачи плана содержания или оценки выбора между конкурирующими версиями интерпретации; интерес для нас представлял именно план выражения, оцениваемый с точки зрения носителя современного русского языка.

Нами рассмотрено около 50 случаев «скопления»⁴ стилистических неудач, каждый из которых соотнесён с одним и тем же отрезком древнерусского текста СПИ.

Случаи скопления стилистических неудач мы сочли уместным классифицировать по двум основаниям: по характеру стилистической неудачи и по вероятной причине её возникновения.

Стилистические неудачи, встречающиеся в переводах СПИ, можно распределить следующим образом:

1. Нарушения сочетаемости:

а) нарушения лексической сочетаемости («на лексическом уровне сочетаемость проявляется в избирательности лексем, ср. “оказать услугу, внимание”, но не “оказать услугу, интерес”»⁵): древнерусское *понице веселие* (фрагмент 148) многие переводчики передают как *поникло веселие*. Несмотря на то, что *поникнуть* относится к семантической группе эмотивов (‘утратить бодрость духа, впасть в подавленное настроение’, ср. также фразеологизм *поникнуть духом*⁶), как показывает материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ), это слово вообще не сочетается с названиями эмоций, тем более что *веселие/веселье* – это номинация радостной эмоции, а *поникнуть* – предикат печали (в терминологии Л.М. Васильева⁷).

б) нарушения семантической сочетаемости («на семантическом уровне сочетаемость слов определяется семантическим согласованием – компоненты сочетания должны не иметь противоречащих сем <...> в противном случае нарушается норма или переосмысливается один из компонентов»⁸): др.-р. *поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя* (фрагмент 55) О.В. Творогов, Г.П. Штром, И.А. Новиков, А.Ю. Чернов, Э.Я. Гребнева переводят как *расщеплены/расщепаны (в щепы/щепки) шлемы оварские*. Но в современном русском языке, по данным НКРЯ, глагол *расщепить* сочетается с абстрактной лексикой (обозначающей чувства, эмоции: *тоска, чувства, человеческий предрассудок* и т.п.), с лексикой, обозначающей химические элементы и соединения (*атом, молекула,*

⁴ Имеются в виду «скопления» не синтагматические, концентрирующиеся в континууме одного текста, а парадигматические, обнаруживающиеся через параллельное рассмотрение нескольких переводов.

⁵ Языкознание. – М.: Большая советская энциклопедия, 1998. – С. 438.

⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3. П–Р. – С. 288–289 (далее МАС).

⁷ Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Т.1 – Уфа: Гилем, 2005.

⁸ Языкознание. – М.: «Большая советская энциклопедия», 1998. – С. 438.

дипентид, жиры) и с конкретной лексикой, обозначающей деревянные изделия (*стол, сук, тросточка, дверь*). Т.е. если употреблять в данном контексте слово *расщепить*, то, следуя инерции словоупотребления, носитель языка может решить, что оварские щиты были сделаны из дерева, особенно неудачны те переводы, где есть обстоятельство *в щепы/щепки*;

в) нарушения норм использования фразеологических средств языка: др.-р. текст *Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ* (фрагмент 61) Д.С. Лихачев, О.В. Творогов, А.Н. Майков, Г.П. Штром, И.А. Новиков переводят, используя, а точнее сказать, калькируя, фразеологизм *закладывать уши: Владимир,/каждое утро уши закладывал в Чернигове* (перевод Д. С. Лихачёва); *Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове* (перевод О. В. Творогова); *Владимир/всяко утро уши закладывал в Чернигове* (перевод Г. П. Штрорма); *А Владимир в Чернигове/Всякое утро/Уши себе закладывал* (перевод И. А. Новикова). При этом переводчики не учитывают, что это выражение в современном русском языке полностью изменило свое значение по сравнению с древнерусским языком: в древнерусском языке оно обозначало ‘запирать ворота’⁹, а в современном русском обозначает ‘терять слух из-за резких звуков (в безл. употреблении)’.

2. Нарушение стилистических норм (смещение слов, относящихся к разным функциональным стилям). Эти случаи носят скорее единичный характер: фрагмент 1 в переводе А.К. Югова передан следующим образом: *А было бы лепо нам, братья... Лепо* – устаревшее слово, непонятное большинству носителей современного языка. Фрагмент 5 в переводе Л. А. Мея: *Да Боян не десять соколов/Напускал на стадо лебедей,/А персты свои искусные/Распускал он по живым струнам,/И во славу удалых князей/Рокотали струны вещие*. Выражение *распускать (искусные) персты* ассоциируется с разговорным выражением *распускать руки*.

3. Нарушения грамматических норм: например, фрагмент 166 переводится рядом поэтов следующим образом: *Стяги его стали ныне Рюриковы,/А другие Давыдовы;/Нося на рогах их, воли ныне землю паишут* (перевод В.А. Жуковского); *Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давиду. Но их на рогахнося, паишут землю* (перевод В.В. Капниста). По словам Д.Э. Розенталя, «местоимение обычно заменяет ближайшее к нему предшествующее существительное в форме того же рода и числа»¹⁰, то есть остаётся неясным, кого быки носят на рогах: стяги или князей.

4. Нарушения синтаксических норм:

а) согласование определений: фрагмент 1 в переводе С. В. Шервинского: *Не пристало нам, братья,/Не в лад начинать/Ратных повестей складом старинным/Эту песню/Про доблестный Игорев полк,/Про поход Святослава сына*. Сомнения вызывает отрывок *ратных повестей <...> эту песню*. «Несогласованное определение ставится после определяемого слова, постановка несогласованного определения перед определяемым словом является инверсией. <...> Препозиция несогласованного определения возможна при противопоставлении»¹¹. В данном случае противопоставления нет, следовательно, инверсия неуместна.

б) употребление дополнений: др.-р. *разшибе славу Ярославу* (фрагмент 156) поэты переводят как *расшибить/перешибить/разбить славу Ярославу*. *Разбить, перешибить, расшибить* + N₄ – это дополнение, обозначающее то, что подверглось уничтожению, повреждению, деструкции; обычная синтаксическая позиция, с которой употребляются данные глаголы во всех своих значениях. *Разбить, перешибить, расшибить* + N₃ – это дополнение, обозначающее объект воздействия, обычно эта синтаксическая позиция появляется только в одном значении ‘повредить ударом, ушибом (какую-то часть тела)’. Поэтому корректно текст выглядит только в переводе Э.Я. Гребневой (*на утро тремя делами прославился:/отворил врата Нова-города,/разбил славу Ярослава*), где *слава* – дополнение с двумя связями, а не с одной, как в других случаях;

⁹ Ухо // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: В 6 выпусках / Сост. В. Л. Виноградова. – М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984. – Вып. 6. Т–Я и дополнения. – 1984. – С. 110–113.

¹⁰ Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: ОНИКС 21 век, 2001. – С. 166.

¹¹ Там же. – С. 221.

в) употребление обстоятельств: *О Донец!/Немало тебе величия,/леля князя на волнах,/постилая ему зеленую траву/на своих серебряных берегах,/одевая его теплыми туманами/под сенью зеленого дерева* (перевод Д.С. Лихачёва, фрагмент 195). Обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом, относится к глаголу-сказуемому, субъектом действия, выраженного деепричастием, является предмет или лицо, выраженные подлежащим. В рассматриваемом предложении вообще нет подлежащего, это безличное предложение.

5. Неудачное употребление словообразовательных средств языка. Во фрагменте 159 др.-р. [*Всеславъ князь <...> великому Хръсови влъкомъ путь*] *прерыскаше* переводчики передают словами *перерыскать/перерыскивать, пересягнуть*, что можно квалифицировать как словотворческую неудачу хотя бы потому, что производящие основы (*рыскать, сягнуть*) устарели.

6. Неудачное употребление образных средств языка (метафоры). Др.-р. *Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше* (фрагмент 161) переводчики передают следующим образом: *Хоть и вещь душа в двояком теле, но часто он люто страдал* (перевод Р. О. Якобсона); *Хоть и вещь душа была в соответственном ее силам теле, но он часто страдал от бед* (перевод В. В. Капниста); *Хоть и вещь душою он владел в несмирном теле,/Но от бед страдал он часто* (перевод К. Д. Бальмонта); *Хоть и вещь душа была в двух его телах, но часто он неудачу терпел* (перевод А. Ю. Чернова). Князя Всеслава, о котором идет речь в этом отрывке, подозревали в оборотничестве, автор СПИ имел в виду его человеческое и волчье тело. Ни один перевод не говорит об этом в понятной форме.

Оказалось, что вероятные причины появления стилистических неудач распределяются между следующими случаями:

Случаи 1-го типа: переводчик стремится передать архаический характер текста (древнерусский «колорит»), игнорируя возможность адекватного перевода, что чаще всего приводит к появлению лексико-словообразовательных архаизмов, то есть древнерусское слово калькируется («переводится» только морфология). Это самая частотная группа случаев, представляющая примерно половину вхождений. С высокой степенью уверенности можно предполагать её как причину появления почти всех типов стилистических неудач. В особенности это касается неудачного употребления словообразовательных средств языка, так как все замеченные нами случаи неудачного словотворчества обусловлены этой причиной (*шестокрыльцы, перерыскивал* и т.д.), что вполне объяснимо: именно словообразование – кратчайший путь появления лексико-словообразовательных архаизмов. В качестве исключения выступает только неудачное употребление образных средств языка, которое полностью обусловлено причинами второго типа.

Например, известные трудности вызвала у переводчиков задача адекватной передачи фразы *галици стады бѣжатъ къ Дону Великому* (фрагмент 16). По данным НКРЯ, группа птиц в современном русском языке обозначается как *стая*, а наименование *стадо* относится только к животным (*стадо коров, стадо баранов*). Древнерусское *бѣжатъ* в данном контексте следовало бы перевести как *летят*, поскольку речь идет о птицах и обычном для них способе передвижения. Однако большинство переводчиков передают древнерусское *бѣжатъ* как *бегут* (*стаи галок бегут* – перевод Д.С. Лихачёва; *стаями убегают галки* – перевод Р.О. Якобсона и т.п.), что создает изрядный комический эффект. Особенно заметен случай С.В. Шервинского, в переводе которого это место читается как *То галок стада/Побежали*.

Случаи 2-го типа: образ в древнерусском тексте таков, что его адекватный перевод на современный русский литературный язык невозможен, например, в силу социокультурных причин (исчезновение из современного сильно урбанизированного языка лексики, связанной с природой, сельскохозяйственной деятельностью, древними артефактами). Такие причины соотносятся с 1/5 рассматриваемых стилистических неудач. Вытеснение из жизни современного человека денотатов порождает отсутствие соответствующих форм выражения в языке. Особенно это заметно на примере неудачного

употребления образных средств языка, которые, по нашему мнению, полностью (в четырёх случаях из четырёх) обусловлены причинами этого рода.

Ярким примером такого рода является перевод на современный русский язык отрезков текста, в которых встречается весьма распространенный в древнерусской литературе образ битвы как сельскохозяйственной работы (пахоты, обработки зерна и под.)¹². Др.-р.: *На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цепи харалужными, на тоуѣ жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла* (фрагмент 157). Процесс обработки зерновых культур (сбор снопов, обмолот, очистка зерна) здесь сравнивается со смертельной битвой. Переводы этого фрагмента на русский язык несколько неуклюжи: *На Немиге снопы стелют головами, /молотят цепями булатными, /на току жизнь кладут, /веют душу от тела* (перевод Д. С. Лихачёва); *На Немиге снопы стелят головами, молотят цепями харалужными, на току жизнь кладут, отвеивают душу от тела* (перевод А. Ю. Чернова) и т.п. Фразеологизм *жизнь отдать/положить* (но не *класть*, так как употребление *класть* в этом контексте является нарушением лексической сочетаемости) в современном русском языке обозначает 'пожертвовать жизнью, погибнуть; потратить жизнь (на любимое, важное дело)' (ср. данные НКРЯ, МАС). В тексте СПИ имеется в виду, что жизнь или тело (вместилище души) кладут на ток под цепи подобно тому, как на ток под цепи кладут колосья, вместилища зёрен. В НКРЯ не нашлось контекстов с лексемой *отвеивать*, а слово *веять* употребляется лишь в значении 'передаваться по воздуху (о ветре, запахе и под.)'. Как можно предположить, в современном русском литературном языке отсутствуют языковые модели для адекватной передачи этого «сельскохозяйственного» образа.

Случаи 3-го типа: понимание оригинального текста затруднено, и переводчик пытается «затушевать» непонятность, что приводит к стилистической неудаче. Такого рода случаев было выявлено всего четыре, что трудно признать репрезентативными цифрами. Эти случаи послужили причиной появления нарушений в лексической и семантической сочетаемости.

Др.-р. *по лозію ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ* (фрагмент 202). Этот фрагмент является так называемым «темным», или, по крайней мере, неясным местом. Трудности возникают и при чтении переводов: *одни только дятлы, тихо полза по ветвям, к реке своим стуком путь кажут* (перевод М.Д. Деларю); *по сучьям гибким ползая, /Дятлы тектом кажут путь к реке* (перевод Л.А. Мея); *Только дятлы ползают по ветвям, /Дятлы тѣктом путь к реке казуют* (перевод А.Н. Майкова); *пóлозы ползали только. /Дятлы тектом путь к реке кажут* (перевод Г.П. Шторма). Трудно представить дятлов, ползающих по ветвям и сучьям. Такое поведение больше свойственно змеям, полозам, что отмечают в своих текстах некоторые переводчики (ср. приведенный выше пример из перевода Г.П. Шторма, а также *полозы* у Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, С.В. Ботвинника и др.). В переводах С.В. Шервинского, И.А. Новикова, В.И. Стеллецкого появляются ползающие по деревьям *поползни*, которым, несмотря на их название, скорее свойственно летать, как и дятлам, а не ползать по сучьям. Сомнительно также, с точки зрения современного русского языка, передавать звуки, издаваемые дятлами, словами *тект, текот*. Ни в НКРЯ, ни в МАСе такой лексемы не встречается. Др.-р. *тъкъть/тектъ* устарело и непонятно современному носителю языка.

Случаи 4-го типа: переводчик попадает в орбиту ложных ассоциаций, порождённых *faux amis*, словами, которые изменяют своё значение по сравнению с древнерусским, попадают в другой стилистический контекст.

Хорошим примером является употребление в большинстве переводов древнерусского глагола *ширяти/ширятися* 'летать, широко махая крыльями' (фрагмент 134) в том числе и в случаях, когда соответствий в древнерусском тексте нет (фрагмент 3). Др.-р.: *яко сокол на вѣтрехъ ширяся* (фрагмент 134), *словно сокол на вѣтрах ширяя* (перевод Г. П. Шторма); *ты/Соколом плаваешь/В буйной отваге своей, /На ветрах ширяся* (перевод

¹² «Сравнение битвы с жатвой-косью-молотьбой является одним из распространенных “общих мест” древнерусской литературы, встречаемых как в переводных (“Девгениево деяние” и др.), так и в оригинальных произведениях, а также в фольклоре» Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». – М.: Аграф, 2000. – С. 39.

И. А. Новикова) и под., примеры можно умножить. В современном русском языке, по данным НКРЯ, слово *ширяться* употребляется исключительно в значении 'колоться, употреблять наркотики с помощью шприца'. Судя по отсутствию этой лексемы в словарях современного русского языка, она не относится к литературному языку, а входит в пласт жаргонной, арготической лексики. В студенческой аудитории слово *ширяться* вызывает дружный смех.

Теперь мы знаем, что тёмные места оригинального текста не являются главной причиной появления стилистически неудачных высказываний в переводах СПИ. Непонятные отрезки средневекового текста не представляют потенциальной «опасности» для правильности языка перевода. Скорее такие отрывки, напротив, заставляют переводчика и исследователя подойти к проблеме выбора языковых средств более тщательным образом. Как показывает наш анализ, «темных мест» в СПИ намного больше, чем связанных с ними фрагментов, в которых обнаружили стилистически неудачные высказывания. Основным фактором возникновения стилистических неудач становится попытка подчеркнуть архаический характер текста, приводящая к нарушению лексической и семантической сочетаемости и неудачному словотворчеству, то есть в стремлении передать средневековый «колорит» переводчик жертвует некоторыми нормами современного языка. Проблема исторических семантических изменений характерна только для переводов на преемственный в историческом плане язык (как, например, при переводе средневекового восточнославянского памятника на современный русский язык). Вероятно, что при рассмотрении иностранных переводов СПИ возникают кардинально иные проблемы.